

© РУССКИЙ ОБЩЕ-ВОИНСКИЙ СОЮЗ (РОВС)

NASHI VESTI

USPS # 371-320

ISSN # 0273-8503

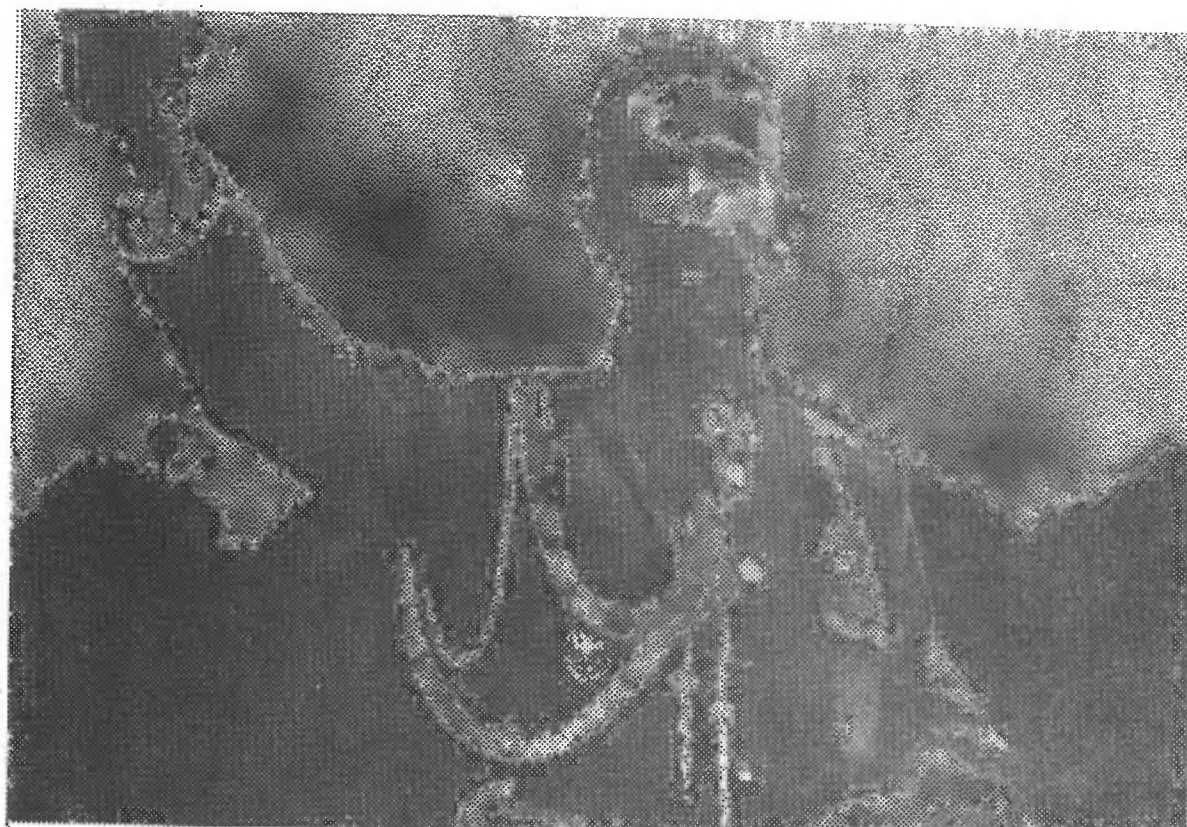
Santa Rosa, CA 95401-9003

49-Й ГОД ИЗДАНИЯ

№ 431/2732

ИЮНЬ 1993

ГЕНЕРАЛ Л.Г. КОРНИЛОВ

Н.Д.СЕМЁНОВ-ТЯНЬ-ШАНСКИЙ.

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

Государь Император Николай Александрович был не понят современниками, и в этом была трагедия России. Теперь, когда прошло уже более 20 лет с того ужасного злодеяния, которое было совершено в Екатеринбурге, переименованного в Свердловск в честь главного виновника и инициатора этого неслыханного до сих пор убийства, мы не можем, все русские люди, не чувствовать, что вся Россия и мы вместе с ней несём наказание за то, что допустили совершиться такому преступлению над природным русским Государем и всей его Царской семьёй.

Образ Государя-Мученика, которому сейчас уже посвящены целые книги и исследования, всё же для многих остаётся загадкой, но все уже сходится на том, что, каковы бы не были клеветнические наветы против Государя и Государыни — никто не может оспаривать их исключительную любовь к своей Родине, увеичанной сиянием их великомученической кончины.

Если нашей Родине суждено возродиться, то я лично не мыслю такого возрождения без пламенного раскаяния в совер-

шенных преступлениях и на первом месте в преступлении по отношению к помазаннику Божью и его царственной супруге, малолетнему Наследнику Цесаревичу и невинным чудным русским девушкам Великим Княжнам.

Здесь я решаюсь поделиться теми личными впечатлениями, которые я сохранил с моей юности, когда я имел счастье хоть и не на продолжительное время, но близко соприкасаться с нашей Царской Семьёй.

Осенью 1908 г. на Кронштатском рейде расположился в строгой линии так называемый отряд особого назначения под Флагом К.А.Литвинова, только что принявшего его от К.А.Эбергартта. Флагманский корабль «Цесаревич», «Слава», «Богатырь», «Олег» — отряд только что совершил летнее плавание, закончившееся манёврами всего флота, и должен был идти в заграничное плавание. На этом отряде распределены мы — корабельные гардемаринны, закончившие обучение в Морском Корпусе весной 1908года.

уровне. При нас был банкет на 150 чел. в честь американского посла, был сам Собчак, мэр города.

Нас пригласили, но мы не обиделись, а ушли гулять, но все же могли заснять приготовления. Жаль в Петербурге были очень коротко, Эрмитаж оставила до следующего раза, что бы посмотреть без спеха. Петербург — это город-музей, даже странно, что там живут современные люди и даже слушают музыку рок (Господи! Для чего она нам!)

Одеты в американские майки и кеды. С туристами заговаривают по-английски, теряют интерес, когда отвечаешь по-русски.

Мы были там вместе с Денисовыми, Аленой и Алешей из Москвы. Это они нас устроили в этой шикарной гостинице, Алексей очень деятельный, работает в телевидении, у него правдивые, интересные репортажи. Алена — студентка московского университета. С милрой их мамой мы подружилась, она показывала мне достопримечательности Москвы. Вот ту крестили Пушкина, а здесь он венчался. Гуляли с ней по Старому Арбату, новый мне не по душе. Много ходили по местным магазинам, туда туристы не ходят.

Прошло 50 лет и, о чудо, те же товары лежат на полках, те же грубые сапоги, калоши, ботинки, те же ситцы, мыло, духи и т.д.

Костюмы полумятые висят на вешалках, как повешенные. Мертвое царство!

Прекрасное, правда, льняное белье, скатерти, полотенца, замечательные шерстяные платки.

Ну, конечно, изумительные Палеховские изделия, матрешки «Сергиев посад» и другие.

Среди грубых, бесформенных пальто нашла себе чудного сукна, прекрасно скроенное и сшитое пальто серого цвета ... за 27 долларов, крепдешинное платье 7 долларов.

Всегда в душе и голове одна и та же мысль, тот же вопрос. Почему и за что должны всегда страдать русские люди? Страдать, терпеть все лишения, недостатки. Только подумать, сколько стран и людей в мире не знающих вообще ужасов войны (разве только по фильмам). Их не выдавали как меня в Лиенце, они могли навещать свою родину в любое время. Особенно трудно, конечно, досталось нашему поколению,

чего только не пришлось пережить! А сейчас жизнь в России невероятно тяжёлая, выкачивают последние соки, набивают свои кроважидные карманы.

До каких пор Господь будет попускать эти бесчинства! Сердце болит, обидно за свой народ. Сейчас придумали новый способ перекачки денег. Контора д-ра Бернштейна у нас в Буэнос-Айресе в центре города, другая в Москве «случайно» около израильского посольства.

Вербуют людей на выезд в Аргентину, обещают работу, жильё. Семьи продают квартиры, автомобили, платят 7000 долларов им, ведь это даже по американским масштабам огромная сумма, а для них это миллиарды! Покупают эти бедные жертвы билеты, приезжают в Аргентину. Их помещают в гостиницу, где они ежедневно должны платить 30 долларов в день, постепенно высасывают последние оставшиеся крохи.

Никакой работы и в помине нет, квартира на картинке..... Посылают к о.Валентину, дескать русская общественность поможет и приютит. От о.Валентина они неизменно попадают ко мне. Вот такую несчастную, обманутую семью приютила я в Кори.Муж — электрик, жена — повар, мальчику 3,5 года.

Я очень опасаясь, что скоро может нахлынуть целая волна таких переселенцев, что они будут здесь делать?! У нас безработица, очень сложный вопрос с квартирами.

Прилагаю статью из «Нашей Страны» от 16 января 1993 г. Необходимо опубликовать в газетах, журналах, желательнее в России. Объяснить, предупредить, что Аргентина — это не земля обетованная, реки то и здесь гнилые, а берега не кисельные, а загаженные.

Они, просидевшие в темнице, еще верят в справедливый Запад. Какие-то наивные люди, даже обидно и больно. Сидели там как в скорлупе и вечно идеализировали все чужое.

Ну как они могли нас обмануть? Разве у них нет совести, мы же с маленьким ребенком!

Стараюсь просветить. Осторожно, а то и ребенка украдут, да еще и продадут. Не верьте, проверяйте, думайте! Ищут организацию помощи беженцам, иммигрантам. Долго будете искать, такой у нас нет, не существует, это не США, а довольно отсталая страна Аргентина.

Н.М. Дубко

Государь Император пришел из Петергофа на Императорской яхте «Александрия», под брейд-вымпелом. На судах всё готово к встрече Державного Хозяина: команда в чистых формах 1-го срока, выстроена повахтенно, офицеры, гардемарины, почётный караул с музыкой. Катер с Государем и свитой медленно подходит к правому трапу, после обычных рапортов Государь, в скромном спортуке капитана 1-го ранга, медленно обходит вначале офицеров, потом нас, гардемарин, караул и команду; на приветствия Государя — дружный ответ: «Здравия желаем Вашему Императорскому Величеству», — затем смотр корабля.

Перед тем, как покинуть корабль, Государь нас призывает нас, гардемарин, собрать и обращается к нам со словами, которые, к сожалению, я не могу передать дословно, но мысль их такая:

— «Изучайте на практике добросовестно то дело, которое вы себя посвятили, будьте примером для подчинённых, требовательными, но и внимательными к их нуждам».

Государь говорил всегда хорошо и просто, его лучезарные, серо-голубые глаза светились отеческой любовью. У нас всех было чувство готовности пожертвовать всем с радостью для обожаемого Царя.

Вернувшись из заграничного плавания после производства в мичманы мы все имели счастье представляться Государю в Царском Селе. Тут уже Его Величество обходил каждого из нас, здороваясь за руку и милостиво обращаясь к каждому с приветственными словами. Меня он спросил — внук ли я или сын Петра Петровича, — и, узнав, что внук, сказал: «Вы первый из Вашей семьи на Флоте», пожелал мне успеха. Неописуемым чувством восторга и обожания к нашему державному вождю были переполнены наши сердца, что-то подкатывалось к горлу...

Глава у Государя были поразительные, они как то проникали в душу, и мне казалось совершенно невозможным, чтобы кто-либо, видевший эти чудесные глава, мог солгать или просто утаить правду.

Через несколько месяцев, будучи мичманом на «Памяти Меркурия», Флагманском корабле командующего Черноморским Флотом В.Адм.Бострома, я снова имел счастье видеть нашего Государя. Он прибыл на «Память Меркурия» с Наследником Цесаревичем, ко мне обратился снова с несколькими словами, спросил, от чего скончался за границей мой дядя гофмейстер Семёнов и спросил о здоровье Петра Петровича.

Помню, что, обходя затем помещение, после команды «корабль ко смотру», Государь, обращаясь к адмиралу Бострому, сказал: «Покажите Алексею, на чём вы спите». Адмирал спал на одних досках без подушки.

Затем я был переведён в 1910 году в Балтийский флот и имел счастье видеть Государя на параде в Царском Селе, при представлении новобранцев Балтийского Экипажа, где я был ротным офицером; во всех этих т.н. официальных представлениях и приёмах Государь был для меня великим и мощным символом Российской Империи, Верховным вождём нашего флота и армии, среди которой я был маленькой песчинкой, и, несмотря на незначительность этой песчинки, какую я был, с Самодержцем нашей необъятной родины, в обращении Государя было так много ласковой простоты, что обаяние монарха переходило в чувство личной любви к нашему несравненному Государю.

Но вот, через несколько лет на меня выпало счастье ещё более близкого, почти ежедневного общения с Государем.

Весной 1911 г. я был прикомандирован к Гвардейскому Экипажу и назначен Штурманским офицером на Эскадренный миноносец «Украина». Когда Императорская Семья переехала в Петергоф, мы стояли в охране на Петергофском рейде. Днём, иногда совершенно неожиданно появлялась байдарка — один из любимых видов спорта Государя, в котором он был необычайно искусен и ловок. Бывало быстро вызовешь и выстроишь команду во фронте, вызовешь командира и старшего офицера, и ожидаешь приближения Его Величества. Байдарка быстро скользит по гладкой поверхности воды; мы все любуемся отчётливым и складным движением нашего Государя. Вот он обогнул миноносец — командуешь команде: «Кругом». Государь сушит двухлопастное весло, смотрит на нас, улыбается. Следует: «Здорово, молодцы!» и дружный ответ: «Здравия желаем Вашему Императорскому Величеству!».

Эти прогулки Государя на байдарке, иногда без сопровождения кого бы то ни было, иногда же в сопровождении дежурного флигель-адъютанта, говорили о том, насколько Государь любил простоту и не боялся ничего.

Этим же летом мы сопровождали «Штандарт» в шхеры. Тут же мы постоянно видели Царя и Его Семью, нас приглашали на высочайшие завтраки по очереди, за которой наблюдал Флаг-офицер Флаг-Капитан Е.И.В.—Н.В.Саблин.

Весной 1912 года, будучи в Гвардейском Экипаже, я был назначен на Императорскую Яхту «Штандарт», находившуюся в Севастополе — из Петербурга я был послан в Севастополь с молодыми матросами. Яхта стояла в Севастополе у пристани, готовясь к приёму Царской Семьи. Тотчас по прибытии Государя и Его Семьи красавец «Штандарт» снялся с якоря и, обойдя линию кораблей Чёрного моря, сопровождаемый Эскадренными миноносцами, вышел в море. По прибытии в Ялту Государь с Семьёй переехал в Ливадию. Мы, офицеры, по очереди, по два человека каждый день были приглашаемы к Высочайшему завтраку в Ливадийском дворце. После завтрака Государь обходил всех приглашенных и с каждым милостиво беседовал. Мы, офицеры, приглашались ещё то на прогулку, то на игру в теннис; а раз, я помню, была неважная дождливая погода, играли в разные игры с Государем и Великими Князьями на дворе Дворца. Государь в эти минуты был особенно жизнерадостен, отдаваясь простым играм, например, пятишам, с большим воодушевлением. Помню, что, желая запятнать Государя, я едва дотронулся до его плеча рукою. Государь лукаво на меня посмотрел и сказал: «Что же Вы стесняетесь — бейте как следует, а то и не заметно, что Вы меня запятнали». В теннис Государь играл очень хорошо, давая сильные мячи и проявляя большую ловкость в отдаче. В прогулках Государь был неутомим и редко кто из свиты или из нас, младших офицеров, мог сравниться с ним в неутомимости.

Той же весной прибыл в гости к Государю Великий Герцог Гессенский с семьёй. «Штандарт» обошел некоторые порты Чёрного моря. Государь посетил имение, переданное в уделы князем Голицыным, «Новый свет». Это было образцовое винодельное имение с колоссальными погребями. Кн.Голицин, конечно, был приглашен к завтраку на Штандарт и Государь много смеялся, когда Голицин заявил, что он счастлив подарить Государю свое имение, так как очень благодарен судьбе, что не из его рода, а Романовым досталась в 1613 году обуза управления

ПОСЛЕДНИЙ

Это мои личные воспоминания и литературные оценки поэта, который, во всяком случае, в 50-х — 60-х годах был, как мне кажется, по всеобщему признанию, наравне с Иваном Елагиным — первым поэтом Зарубежья. Могут ли двое быть первыми? Можно ли их сравнивать? Конечно нет.

Вздымающая глыбу горя, в скупых жёстких строчках ошеломляющая панихида Елагина («Комаринская», хотя бы, от которой мороз подирает по коже!) — и улыбчивая нежная, утверждающая жизнь, любящая все крохотные радости (которые, несмотря ни на что — есть!) — лирика Дмитрия Кленовского.

Сравнить можно только общее что у них было с самого начала. Оба поэта — Елагин — совсем молодой, Кленовский — уже пожилой (род. в 1892 г.) — пришли во вторую эмиграцию (после 2-й мировой войны, — Ред.) на Запад законченными мастерами. И оба, несмотря

на разницу лет, не опубликовали в Советском Союзе ни строчки. Мастерами, конечно, не рождаются — даже поэты. Значит, они работали. Писали в стол. (Если он у них был). А если не было? Писали молча внутрь себя, так или иначе.

Может быть, не пробовали печататься — вернее предлагать написанное потому, что понимали, что «несозвучны эпохе»? Или потому, что (перефразирую): «Писать бы рад — подслуживаться тошно?» А какой груз — принуждение молчания, невозможность передать другим созданное — потому, что в этом — цель и назначение каждого художника всякого искусства.

Может быть, особенно давило это Кленовского: и потому, что он был старше и потому, что ещё в последний, так сказать, момент «серебряного века» ему удалось выпустить свой первый сборник «Палитра» (в Петрограде в 1917 году) и даже написать второй —

Российским Государством. В Гаграх Принц А.П.Ольденбургский показывал свой дом и замечательные насаждения.

Тем же летом, перейдя на «Штандарт» в 17. дней из Севастополя в Кронштадт (Штурманом был Л.М.Кожевников, плавание это было замечательное по скорости перехода, несмотря на шторм, от которого пришлось укрыться в Бон и затем туман в Средиземном море и сплошной туман от Шербурга до Кронштадта) — я снова имел счастье ежедневно видеть государя и Его Семью уже в Финском заливе. Государь император с семьей прибыл на «Штандарт» в Кронштадт, откуда мы сейчас не вышли и прибыли на рейд «Штандарт» в Финских шхерах. На яхте «Штандарт» все офицеры, кроме стоящих на вахте, ежедневно приглашались к Высочайшему столу к завтраку и к обеду. По очереди назначались старшим офицером на игру в теннис, прогулку или на катание на байдарке или на двойке с Государем. На байдарке мало кто умел проявлять ту ловкость, которой отличался сам Государь, любивший эту утлую и очень неустойчивую посудину. Я был скорее специалистом по гребле на двойке и государь часто избирал меня для такого рода спорта. Государь и в этом деле проявлял ловкость, неутомимость и отчетливость. После продолжительной гребли мы причаливали к какому-либо островку и купались. Государь очень хорошо плавал и любил купаться. Помню, что раз Государь заметил, что у меня нет креста. Я объяснил, как это и было в действительности, что потерял родильный крест во время купания, при этом сказал, что это предзнаменование, что мне суждено потонуть. Государь сказал мне: — «Не говорите глупостей; впрочем чему бывать, тому не миновать.»

В этих редких и случайных встречах наедине Государь проявлял необычайную простоту в обращении: помню, как один раз мы раздевались для купания, и Государь пригласил меня сесть на скамейку рядом с ним. Когда я раздевался, Государь обратил внимание на мои тонкие черные носки и спросил меня, где я их покупаю и цену их; я ответил, что покупаю их в Гвардейском Экономическом Обществе и плачу столько. Государь сказал; — «А я плачу дорого и совсем они не

хорошие.» Тут же случилось, что когда мы были уже в воде, Наследник Цесаревич, резвившийся на берегу (он не купался), — сбил мои вещи, сложенные аккуратно на скамейке, в песок. Я начал было выходить из воды, желая подобрать вещи, т.к. был ветер и их разбросало; Его Величество, обращаясь ко мне, сказал: — «Оставьте вещи — Алексей их уронил, он и должен их собрать», и, обращаясь к Наследнику, заставил его поднять мои вещи.

В разговорах с его Величеством можно было говорить на любые темы, только не касаться вопросов внутренней политики. государь любил выслушивать впечатления о плавании, посещениях различных заграничных портов; также особенно старался узнать правду о состоянии наших боевых кораблей, в особенности построенных за границей, как, например: «Рюрик», на котором я плавал до поступления в Гвардейский Экипаж. Государь интересовался духом и уровнем новобранцев, по этому поводу мне удалось высказать мнение, что народное образование и воспитание оставляет желать лучшего, но что само по себе элемент, попадающий в ям, прекрасный и поддается как воск хорошему воспитанию при соблюдении воинской дисциплины. На это у Государя вырвалась фраза: — «Да, если бы я мог послать всех хороших офицеров в сельские школы вместо тех сельских учителей, о которых постоянно поступают сведения как о революционерах»

Эти прогулки на двойке по утрам от 8 1/2 до 11 часов утра. Помню один совершенно исключительный случай, показывающий о необычайной деликатности Государя — накануне я стоял собаку», т.е. вахту от 12 до 4 ч. ночи и Его Величество, выйдя в 1-м часу на палубу, пожелал мне спокойной вахты. Утром он обратился к вахтенному начальнику, прося его вызвать меня для двойки, но потом, вспомнив, что я стоял «собаку», после которой на Штандарт разрешалось отдыхать до 9 ч. утра и не вставать к подъему флага в 8 ч. утра, Государь сказал, что не надо меня будить; я же был уже вставши и, выбежав на палубу, конечно, с радостью отправился на двойке с обожаемым монархом.

(Продолжение следует).

Н.Д. Семенов-Тян-Шанский

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

(Окончание)

Весной 1913 года, вернувшись после заграничного плавания на крейсере «Олег», и явившись в Гвардейский Экипаж, я был командирован с оркестром Гвардейского Экипажа на Переяславское озеро, куда по случаю Романовских торжеств Государь Император с Августейшей семьей должен был прибыть. На этом озере Царь Петр начинал свои морские упражнения. Предводитель Дворянства, бывший гусар Храповицкий, устроил чудную пристань на месте, где Петр Великий садился на свой знаменитый ботик, около пристани стояла точная копия ботика Петра Великого — дедушки Русского флота. Все дворянство Владимирской губернии было собрано для встречи Государя; после осмотра пристани и ботика был устроен прием в специально выстроенном для этого случая павильоне. Наш оркестр, славившийся как один из лучших духовных оркестров, в Петербурге, после «Боже Царя Храни» играл вещи из «Жизни за Царя» Глинки, Чайковского, Мусоргского, Бородина. Государь Император удостоил и меня несколькими словами. Великие же княжны были очень обрадованы увидеть среди мало знакомой публики местных дворян знакомого офицера; я, к сожалению, никого из дворян, кроме Храповицкого, не знал потому, доставшаяся мне во время приема открытого буфета роль, быть посредником между нашими чудными Великими Княжнами и дворянами была нелегкая. Когда мы шли с оркестром к Переяславскому озеру, по обоим сторонам шоссе были несметные толпы простого русского народа; по их лицам и энтузиазму, который был вызван приездом Царя, можно было воочию судить, что простой русский народ видел в Государе не человека, а сверхчеловека и поистине любил Бапошку-Царя, конечно ожидая от него всякие милости. Последнее я особенно почувствовал вечером в тот же день, когда по совету Храповицкого, после обильного ужина, уже по отъезду Государя, несколько молодых дворян повезли меня в Народный Дом, где масса простого народа ужинала. Меня дворяне провели в отдельный кабинет, находящийся на хорах, откуда я мог наблюдать простой народ. Будучи сам в большом подъеме, я просил дворян, чтобы за мой счет всем присутствовавшим — их было, может быть, 300 человек — было выдано легкое вино. Мой неосторожный жест вызвал большой энтузиазм и поставил меня в несколько неприятное положение, так как крестьяне решили, что я Великий Князь Кирилл Владимирович — мне пришлось выйти на балкон и, добившись молчания, я объяснил присутствующим, что я не Великий Князь, а офицер, имеющий счастье служить в Гвардии и видеть довольно часто нашего обожаемого Государя, за которого мы все рады умереть, если это понадобится, и пригласил всех выпить бокалы, прокричать громкое «ура» нашему Государю. Энтузиазм был большой, но, по-видимому, я не совсем рассеял создавшееся у простого народа впечатление, что я не иначе, как Великий Князь. Я решил после этого срочно ретироваться, но меня вытащили и качали, одновременно суя мне прошения для передачи Государю. — Эти прошения я передал по возвращению в Петербург Командиру Гвардейского

Экипажа, который их направил в канцелярию по принятию прошений. Этот случай я привожу здесь, как один из многочисленных примеров наивности нашего народа, легко поддававшегося всевозможного рода легендам и слухам, и ожидавшего от Царя всегда подачек и милостей.

Государь внимательно осматривал ботик, любовался видом Переяславского озера. После адреса, поднесенного дворянами и прочтенного Предводителем Дворянства Храповицким, милостиво благодарил дворян и беседовал с представлявшимися; среди дворян много было в придворных мундирах, другие в отставных формах офицеров гвардии, армии и флота, некоторые же просто в дворянских мундирах.

В этом же 1913 году летом был смотр всему Балтийскому флоту в Ревеле. Государю показывали стрельбу судов артиллерийского отряда, после чего весь флот вышел в море сопровождать обе Императорские яхты. На «Штандарте» взвился сигнал: «Государь Император благодарит В.-Адмирала Эссена, офицеров и команду судов за блестящий осмотр и стрельбу». Вторым сигналом флот извещали о пожаловании звания флигель-Адъютанта организатору стрельбы Капитану 2-го ранга Кедрову. Нельзя забыть красивой картины стройной линии наших судов, следующих в 2-х кильватерных колоннах за «Штандартом» и «Полярной Звездой», «Рюрик» под флагом Адмирала Эссена шел в кильватер «Полярной Звезды».

В следующем году, отплавав зимой в заграничном плавании на крейсере «Олег», летом я снова попал на «Полярную Звезду». Во время пребывания английской эскадры адмирала Битти в Кронштадте — Государь прибыл на «Полярную Звезду» с Великими Княжнами Ольгой и Татьяной Николаевными. После осмотра английских кораблей, Государь с Великими Княжнами долго оставался у нас в офицерской кают-компани. Мы вызвали Морфесси, который очень недурно пел цыганские романсы, играл также хор наших балалаечников. Государь был очень оживлен и чувствовал себя, по-видимому, счастливым среди близких ему морских офицеров. На другой день мы снялись с якоря и вышли в море. Английская эскадра следовала за нами до Гогланда, где «Полярная Звезда» остановилась и пропустила английскую эскадру — зрелище было очень красивое — английские суда во главе с «Куин Мери» лихо прошли мимо «Полярной Звезды», салютуя поднятому на «Полярной Звезде» Императорскому Штандарту. По приказанию Государя мы подняли сигнал: «Государь Император желает счастливого плавания эскадре Его Королевского Величества».

В этом же году я имел счастье видеть Государя на параде в Красном Селе во время приезда Президента Французской Республики Пуанкаре.

Зрелище это никогда не изгладится из моей памяти. Надо быть художником, каким является наш прекрасный военный писатель Генерал Краснов, чтобы суметь передать всю красоту и величие последнего мирного парада нашей Гвардии и войск Петроградского военного округа, а также необыкновенную по настроению «Зарю с Церемонией».